

КУЛЬТУРА

Как мы встречаем праздник! Ну конечно, с родными. С друзьями. И с телевизором — куда от него денешься! Он и песню споет, и пляской потешит, и сказку добрую расскажет. Правда, нынешнее время стало на добрые сказки скуповато. Все больше серьезные дяди и тети выступают, страшат зрителя политическими и экономическими проблемами. Или же сердитые молодые люди в лохмотьях микрофонной стойкой в тебя тычут...

Что остается! Да только спастись бегством в ностальгические воспоминания. Благо, почва для них имеется: нет-нет да и промелькнет в телевизионных программах милая сердцу старая лента. Например, «Ирония судьбы, или С легким паром». Помните, конечно, эту чудесную новогоднюю историю, рассказанную режиссером Эльдаром Рязановым, сыгранную актерами Барбарой Брыльской и Андреем Мягковым, спетую...

Вот кем спетую, это телезрители того, довольно давнего уже теперь 1976 года узнали не сразу — имен певцов не было

в титрах. Да и голоса их так тесно слились с обликом героев, что большинству зрителей просто не пришло в голову задуматься на эту тему. Лишь потом выяснилось — песни Нади исполнила Алла Пугачева. Да-да, та самая Алла, которая за полгода до того впервые прославилась своим отчаянно-лихим «Арлекино». А вот имя певца, подарившего свой голос Жене, большинству зрителей вовсе ничего не говорило. Только постепенно мы начали привыкать к нему: Сергей Никитин. Все чаще этот обаятельный молодой человек с мягкой, чуть ироничной улыбкой стал появляться в различных концертных залах, на телеэкране. Мы познакомимся с очаровательным «вторым голосом» сценического и семейного друга Никитина — Татьяны. Наконец узнали предисторию известности певца, которая, как оказалось, уходит корнями в 60-е годы. То было время расцвета бардовской песни — и вот молодой студент-физик Сергей Никитин тоже берет в руки гитару...

Ну а потом произошла эта знаменательная для меня встреча с Полем Мориа — году в 77-м... В ЦДРИ был концерт, потом посиделки, на которые пришел весь его оркестр, включая группу мексиканских трубачей (у него трубы были именно из Мексики, он хотел, чтобы эта оркестровая группа играла с колоритом мексиканских уличных музыкантов — «марьячос»). Помню, мы — как-никак «хозяева» вечеринки — скинулись, купили ящик шампанского... Пошло общение. И когда мы спели «Вивальди» — Мориа, как говорится, сразу положил

час уже в Америке, работают по контракту за «зеленые». Если б не Олег Павлович, и я там, вероятно, оказался бы...

— А что делаешь в театре? Сочиняешь увертюры, арии, хоры?

— Да нет, чаще всего пишу для спектакля лишь песню-другую. Это, кстати, предмет нашей дискуссии с Олегом Павловичем. Я бы хотел повысить статус музыки в постановках. Пока же спектакль «А чой-то ты во фраке?», почти целиком музыкальный, с моей музыкой, поставлен в театре «Школа со-

— Как и почему я запел? Да очень просто: услышал тех, первых — Окуджаву, Городничего, Визбора. Их интонация была настолько пронзительной и правдивой... Я тут же ощутил ее стопроцентно своей. Правда, и до этого тяготение к музыке чувствовал — но было оно стихийным и противоречивым. Представление о классике я получил, слушая экзерсисы двух старших сестер, которые зубрили по очереди свои сонатины. Вообрали, насколько малопривлекательно это выглядело. Лет в пятнадцать попробовал играть джаз — на самодеятельном, конечно, уровне...

— Ты противопоставляешь «неофициальное» и «официальное» направления в пении. А как тогда быть с искусством Бернеса, Шульженко, Утесова, Кристинской?.. Ведь и ему были свойственны искренность и человечность. «То, что делал на сцене Бернес, — исполнительский идеал, о котором я только мечтаю. Это не я — Высоцкий сказал...

— И он был прав... Для себя я Бернеса ставлю в тот же ряд, что и Окуджаву с Визбором. Хотя он мог порой спеть и совершенно банальную вещь, нечто дежурно-эстрадное. Но его человеческая интонация всегда шла «поперек» любой рутины... Однако, если мы говорим о различиях между официальным и неофициальным искусством, вот что еще важно: бардовская песня всегда основывалась на неординарной поэзии. Слово в ней главенствовало, хотя и большинство мелодий были чудесными.

— И поэтому в своем творчестве ты возвел эту особенность в абсолют. То есть в отличие от основной массы бардов стихов вовсе не писал — только брал готовые и сочинял на них музыку. Но зато, очевидно, делал это с особым чувством ответственности перед тем первоклассным стихотворным материалом, который отбирал.

— Да, я не могу вот так запросто сесть и с ходу симпривизировать подходящую мелодию. Долго ищу сами стихи, привыкаю к ним, читаю про себя, как бы вслушиваясь. Постепенно строчки начинают омузыкаливаться, из речевых

Сергей НИКИТИН:

Труд - 1994 - 4 янв. - с. 7.

«БОЛЬШИНСТВО МОИХ КОЛЛЕГ УЖЕ В АМЕРИКЕ...»

оборотов выходят обороты мелодические. Причем первым может «пропеться», зазвучать мелодией срединный эпизод стихотворения, а начало — досочиниться позже. Так, по частям, постепенно срастаясь в целое, и зреет песня. Но вот она вроде бы закончена... Тут я начинаю ее «чистить», убирать лишнее, кое-что пересочинять. Длиться все это может месяц, полгода, год...

— У тебя достаточно четко очерченный круг авторов. Наверное, уже десятки песен написаны на слова Юнны Морич («Полю»), «Когда мы были молодые», «Собака бывает кусачей» и масса других). «Свои» для тебя — Юрий Левитанский («Диалог у новогодней елки»), Давид Самойлов («Смерть царя Ивана»), Геннадий Шпаликов («Рио-Рита»), Дмитрий Сухарев («Брич-Мулла»), Виталий Коротич («Майдан»), Арсений Тарковский («Пляшет перед звездой звезда»)... Чем привлекали тебя столь разные поэты?

— Существует поэзия, настолько плотно насыщенная образами, ассоциациями, мыслями — даже звуками! — что композитору в ней почти нечего делать. Она сама по себе уже музыка. Я, например, долго экспериментировал со стихами Бродского. Не выходит — в эту ткань очень трудно войти. Тогда я понял: чтобы стихотворение стало песней или романсом — в его образной структуре должно присутствовать какое-то... свободное пространство, что ли, некий «воздух», особая прозрачность.

Такая прозрачность есть, например, в стихах Геннадия Шпаликова. Эта личность настолько правдива, естественна, искрен-

на, что и стихи Геннадия (несмотря на некоторую их безыскусность и шероховатость) словно Богом продиктованы. На его тексты я написал целый цикл. А вот на слова Пастернака — всего две песни...

— И современным авторам из 90-х примериваешься?

— Примериваюсь — да ключик вот никак не подберу. Попробовал писать на слова Игоря Иртенева. Трудно! Как передать их иронию, игровой характер, пародийную «газетность»? Хотя несколько песен уже сочинил. Но нигде их еще не исполнил.

— У вас с Татьяной очень любопытный дуэт. Две отдельные линии, словно бы постоянный диалог, а если счастье за особый голос гитары (она порой у вас действительно ведет совершенно самостоятельную линию), то это уже настоящее трио!

— Да, у нас единство постоянное рождается в борьбе: разные характеры, разные темпераменты; я — рыба, Таня — козерог. Личность она, замечу, весьма независимая. Функции в нашем дуэте распределяются так: я песни сочиняю, а Татьяна является их безжалостным критиком. То есть она заставляет меня делать много на первый взгляд «лишней» работы — все вроде бы уже получилось, и вдруг слышишь: нет, это банально, поищи что-то другое... Тут мои амбиции взывают — но потом чувствую: да, стоит еще попотеть. В конце концов, действительно выходит лучше.

— Это, так сказать, общая схема. А конкретно — как рождалась на свет... ну вот хотя бы сверхпопулярная мелодия «Под музыку Вивальди»?

— Для начала уточню: музыка написана вместе с моим старым другом Виктором Берковским. Мы с ним, кстати, много еще чего написали — хотя бы мюзикл «Али-Баба и сорок разбойников»...

А тут история такая. Позвонил как-то Зиновий Паперный и говорит: «Я вроде бы слышал по радио (или по ТВ) твою новую песню на стихи Величанского «Под музыку Вивальди». Ты в самом деле такую писал?» Да нет, говорю, тебе показалось. А, кстати, может, прочтешь само стихотворение?.. И он тут же, по телефону, диктует мне текст — действительно на удивление музыкальный.

Увы, это оказался тот самый случай, когда «музыкальность», певучесть слов не помогает, а только мешает сочинять мелодию. Я вертел-вертел строчки и так и сяк, сочинил несколько вариантов — все показалось неудачным.

Ну а дальше как раз возник случай, когда «музыкальность», певучесть слов не помогает, а только мешает сочинять мелодию. Я вертел-вертел строчки и так и сяк, сочинил несколько вариантов — все показалось неудачным.

на эту песню глаз. Конечно, слов он не понял, кроме припева, но ухватил мелодию. Попросил у меня кассету с записью... А через три месяца на «Филиппе» вышла пластинка, где они, западники, как люди аккуратные, написали три фамилии: Берковский—Никитин—Величанский. Это я к тому, что когда тот же диск перепечатала «Мелодия», то поэта из авторов убрали.

Эту историю я отчетливо помню. А вот как сочинялись некоторые другие песни, скажем, «Брич-Мулла», — описать не могу. Просто знаю, что когда-то этой песни не существовало. А потому она вдруг появилась. И все.

— Ну ладно биофизика, музыка — как-то эти вещи в твоей жизни сочетались. Но каким образом ты вдруг оказался в Театре Олега Табакова, да еще в должности заммузы?

— Природа авторской песни ведь изначально театральна: она и поется, и «играется». А вообще-то получилось все случайно. То есть по диалектике очень даже закономерно. Веня Смехов предложил поставить у Табакова «Али-Бабу» и пригласил меня разучивать с актерами партии. Это была большая, трудоемкая работа. Разрываться между театром и наукой стало тяжело. Тогда я сказал об этом Олегу Павловичу, и он тут же пригласил меня — уже официально, спросив лишь: «Завмузом — пойдешь?» Вот так я и «смодулировал» из биофизики в театральное дело. О чем не жалею. Хотя большинство моих бывших коллег сей-

временной пьесы» режиссером Иосифом Райхельгаузом по мотивам чеховской юморески «Предложение». Это уже не два-три вставных номера, а нечто среднее между водевилем, мюзиклом, оперой и даже балетом, правда, пародийным. Такой вот винегрет. Замечательно поют Владимир Качан, Альберт Филозов и Любовь Полищук.

— Сергей, ты, как все мы, видишь, что стало сегодня с популярной песней. Радует ли тебя ее нынешнее состояние?

— Бардовский культ поэтического слова уходит в прошлое. Сейчас мы имеем дело с целым поколением, которое сложная поэзия не задает. Оно как бы не проснулось для нее. И песня из двуединства (стихи — мелодия) стала сегодня одномерно-музыкальной. Причем сама-то музыка предельно скупа и схематична: услышав первые четыре такта, можешь вычислить остальное до конца.

Да, падение интеллектуального уровня налицо. Хотя я надеюсь, что не навсегда. Есть же талантливые авторы-исполнители бардовской традиции, есть оригинально мыслящие рок-певцы (те же Гребенщиков, Градский, Шевчук), есть прекрасные шансоны (например, Камбурова). Россия — страна, богатая талантами. В этом смысле судьба к ней неизменно благосклонна.

Дел беседу
Аркадий ПЕТРОВ.